

бург, к сожалению, его не потянул.

— Вы прямо как Марк Рудинштейн и Олег Янковский...

— Знаете, как я их понимаю! Ведь та же причина.

— Но никто не верит, что «Кинотавр» скончается. Вот и я вам, извините, не верю.

— Нет-нет, мы, может быть, будем устраивать какие-то выходы в город, на привычную нам площадь Искусств, какие-нибудь «дни джаза», но международный фестиваль — это невозможно. Да что, у меня нет своего дела, что ли? У меня есть концерты, пропаганда джаза, филармония...

— А что будет на этом последнем, как вы говорите, «Свинге»?

— Да просто придут мои друзья. Из разных городов. И из Америки. Я, как вы знаете, на «Свингах» сам-то мало играю, даю другим высказаться. Ну а тут в связи с юбилеем решил сам поиграть с друзьями.

— На концертах в филармонии много иностранцев. Что они говорят, вы общаетесь?

— Они удивляются обстановке. Она для них резко непривычна. В джаз-клубах в той же Америке — там другой стиль поведения. Там пьют, курят, ходят, смеются, громко разговаривают. А здесь вроде интерьер клубный, и можно заказать хоть пиво, хоть водку, но не принято шуметь, то есть концертная обстановка. И вот они удивляются, но говорят: правильно, так и должно быть, ведь собрались люди, которые хотят слушать.

— К публике нет претензий?

— Станный вопрос... Какие претензии, зал не пустует.

— Да просто я вспомнил, как вы как-то заиграли тему «Django», а зал ее не узнал, не «встретил», и вы чуть играть не бросили, так возмущались, кто, мол, здесь собрался...

— Думаю, это уже был, наверное, последний раз, когда я так реагировал, просто непроизвольно получилось. На самом-то деле я уже лет пять как вижу: пришел новый пласт слушателей, которые из джаза узнают разве что «Savanna». Они пришли — и вот только-только знакомятся с тем, что мы с вами впитывали лет тридцать пять — сорок назад.

— Активно впитывали, причем еще и потому, что это был запретный плод!

— Правильно, а теперь все свободно, всего много, джазовых дисков — на каждом углу, нам и не снилось. Но они этой музыки не знают. Они ослеплены попсой, суррогатом, который несет из телевизора, из больших концертных залов. Они же не виноваты. А пришли, пусть даже случайно — и я им благодарен, это ведь и для них, не только для «посвященных».

— Какой из последних концертов в филармонии произвел на вас самого особенное впечатление? Я имею в виду гастролеров.

В филармонии стройная репертуарная политика. В штате два коллектива — ансамбль Голощекина и «Ленинградский дискленд», который скоро уж пора заносить в Книгу рекордов Гиннеса — ему ныне 40 лет. Кроме них постоянно выступают еще

несколько коллективов (например, джаз-бэнды Алексея Канунникова и Сергея Гусятинского, ансамбль «Далекие радости» и оркестр «Саксофоны Санкт-Петербурга», которыми руководит Геннадий Гольштейн), молодые музыканты. И многочисленные, в том числе зарубежные, гастролеры.

— Конечно, Фредди Коула! Я давно знал его, слушал все пластинки, да и знаком был — мы вместе играли на Лайонел-Хэмптонском фестивале в Америке. И ждал не без волнения — осталось ли то же очарование? В этот раз был очарован еще больше. Я сам видел, как он «держал» пятнадцатитысячный зал, но в нашей обстановке, вот такой камерной, он смотрится и слушается еще органичнее.

— Что сами себе приготовили к юбилею? Наверняка новый диск?

— Да, он называется «Давид Голощекин. Избранное». Мне захотелось включить в него такие записи, благодаря которым меня как-то стали узнавать, признавать. Начал не с самых ранних записей, а с пластинки «Джазовые композиции» 78-го года.

— Это где вы играете один на десяти инструментах, а записи сведены?

— Да, та самая. Но взял для диска ту запись, где пять инструментов.

Тогда Голощекину, который жил во дворе Капеллы, позвонил звуко-режиссер студии «Мелодия» Виктор Динов. Сказал, что в Капелле (в ней благодаря уникальной акустике часто делали записи) установлен новый 16-канальный пульт, надо его испытать: «Приходи с инструментами, попробуем сделать наложение. Сделанные поочередно на разных инструментах записи наложили, добились хорошего баланса... Динов показал запись директору студии, тот ахнул: «Где вы взяли такой оркестр? Кто в нем играет?» — «Один Голощекин». — «Немедленно выпускаем пластинку!»

И сразу еще одно пояснение, о теме, которая будет упомянута впереди. Когда мы говорим «Цыган», речь идет об изумительной, редко исполняемой (и, пожалуй, не очень характерной для автора) вещи Эррола Гарнера «When A Gypsy Makes His Violin Cry», что можно перевести так: «Когда плачет скрипка цыгана». Я, например, слышал ее в исполнении только Гарнера и Голощекина.

— А «Цыган»?

— Да, конечно, и эта запись с пластинки «Коллаж. Джазовые пианисты Ленинграда» 87-го года. Кроме того, будут записи с разными музыкантами, например, с Массачусетским биг-бэндом, с которым я плотно работал в начале 90-х, с Алексом Нахимовским, с которым у нас был тур по Америке в 2002 году, конечно, с Монти Александером. Я недавно послушал эту запись, мы с ним играли «Body And Soul» в 97 году. Понимаете, вот это в джазе удивительно: никогда не играли, не были знакомы, не разговаривали, а он меня

позвал на сцену, назвал стандарт — бах! — все получилось, как будто два дня репетировали. Скажу без ложной скромности, хорошая запись. Я думаю, если бы Монти сейчас послушал, то сам бы удивился и ему бы понравилось. А последняя запись такого рода — с Фредди Коулом. Ну это вы слышали на концерте. Ну и на диске будут мои собственные темы, те, которые стали популярными: «Меланхолия», «На солнечной стороне Невского». И последняя — песня на стихи Анны Ахматовой «Летний сад». Единственная, ко-

торую написал на русские стихи.

«Откройте автобиографическую книгу Эллингтона «Music In My Mistress» — на странице 365 молодой и бодротный Голощекин уступает Эллингтону место за фортепиано. Было это в ленинградском Доме дружбы осенью 1971 года. Американицу Пьеру Булз очень хотелось сфотографировать Эллингтона на фоне барельефа Ильича и лозунга «Ленинские заветы живут и побеждают», вряд ли он знал, кто такой Голоще-

кин. Но для истории нашего джаза снимок стал историческим, потому что рядом с великим Дюком оказался человек, сумевший принять у великого мастера горящий джазовый факел, развести собственный очаг в своей отнюдь не джазовой стране и все-таки зажечь в сотнях и тысячах человеческих сердец любовь к бессмертной музыке по имени джаз».

Владимир Фейертаг. «Диалог со свингом. Давид Голощекин о джазе и о себе». С.-Петербург, 2003.

P.S. Отдельное спасибо уникальному знатоку, историку и критику джаза Владимиру Борисовичу Фейертагу, посвятившему великому искусству всю свою жизнь. Помимо процитированных книг, он еще и автор монументального и великолепного энциклопедического справочника «Джаз. XX век».